

## РОССИЯ

*Н.Н. Жукову - замечательному художнику*

Жизнь моя встаёт передо мною,  
Лишь тебе известная одной,  
С детством,  
Что оборвано войною,  
С юностью,  
Что начата войной.  
Я - малыш,  
Расплывшийся в улыбке,  
Оттого, что озорник ручей  
На моих ногах щекочет цыпки,  
От которых я не сплю ночей.  
Что же ты не ловишься, рыбёшка?  
Разве ты не знаешь, что война...  
Мне бы пескарей  
Хотя б немножко,  
Мне большая рыба не нужна.  
Я ловил.  
И, может быть, впервые  
Понял чутким сердцем малыша,  
Что России трудно,  
Что Россия  
Даже пескарями хороша.  
Я - твой школьник.  
Помню всё, что было:  
Тёмный класс подобен шалашу.  
Я дышу на мёрзлые чернила,  
Я на пальцы синие дышу.  
Стынут зайцы снежные по стенам,  
Жмутся к ненагретым печам.  
В окна школы,  
Что заткнуты сеном,  
Их мороз впускает по ночам.  
И хотя вдали -Бои большие,  
Ты со мною крепко держишь связь:  
В образе учителя, Россия,  
Ты встаёшь,  
Над партою склоняясь.  
Я - косарь.  
Плывёт над лугом небо,  
Крепко спит трава, сойдясь в ряды.  
У меня ломоть ржаного хлеба  
Да колодец ключевой воды.  
Ем и запиваю хлеб водою  
Из зелёной кружки-лопуха.  
Стыдно, если сердце молодое  
Скажет мне,  
Что жизнь моя плоха.  
Есть у парня руки молодые,  
Край, пропахший скошенной травой,  
Остальное будет всё, Россия,  
Главное, что здесь я -  
Парень свой.

## ИДУ С ПОЛЕЙ

*Литературному институту им. А.М. Горького с благодарностью посвящаю*

О стихах говорят в этом доме поэты.  
Я у двери стою, не решаясь войти.  
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?  
Шла со мною сюда, да отстала в пути.  
Что принёс я с собой?  
На ладонях мозоли,  
Запах лопнувших почек с весенних берёз  
Да тетрадку стихов, где-то сложенных в поле,  
Где-то сложенных в поле в жару и в мороз.  
Я, как пахарь, их видел под лемехом плуга,

Как пастух, я встречал их в глазах у телят.  
Даже вьюга, бездушная, колкая вьюга,  
Мне стихами орёт так, что уши болят.  
Где бы их ни искал я - в полях ли, в лугах ли, -  
Нахожу в каждом колосе, в песне ручья,  
Потому мои строки землёю пропахли,  
Как пропахла польнью фуфайка моя.  
Рифму я не вертел за столом по неделе  
(Чем причудливей рифмы, тем громче стихи).  
На меня они сами, простые, глядели  
То слезинкой цветка, то серёжкой ольхи.  
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?  
Шла со мною сюда, да отстала в пути.  
О стихах говорят в этом доме поэты.  
Я стучу.  
Я вхожу.  
Я обязан войти.

#### МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

То дорога, то тропка узкая,  
То ручей, то река без дна, -  
Ой ты, русская, наша русская,  
Наша отчая сторона!  
Наградила светлыми узами  
И сказала нам: "В добрый час!"  
И не блоками, не союзами,  
А сердцами связала нас.  
Ты, как наши мечты, просторная,  
С лаской, с удалью огневой,  
С шумом поезда под Касторною,  
С полнолунием над Невой.  
Ты с берёзовыми рассветами,  
С вечной тягой родной земли, -  
Пусть пешком обошли полсвета мы,  
Мы обратно домой пришли.  
В этом буйном разнообразии -  
Кто с Байкала, а кто с Оки -  
Мы живём посреди Евразии,  
Беспокойные русаки.  
Соберёмся мы, встречу праздную,  
Ну хотя бы на полчаса:  
Речи разные, песни разные,  
Очень разные голоса.  
Только всё-таки мы похожие,  
Чем похожие мы — спроси:  
Не случайные, не прохожие,  
А хозяева на Руси.  
Край наш - степи его, леса его, -  
Наша отчая сторона,  
У Гордейчева, у Исаева,  
У Полянского ты одна.  
Ты нам пращурами завещана,  
Чтоб любили тебя, храня,  
Ты для Фирсова - мать Смоленщина,  
Мать Орловщина - для меня.  
Нам скрывать друг от друга нечего  
И выпячивать напоказ,  
Если гордость того ж Гордейчева -  
Гордость искренняя всех нас.  
Гордость зёрнышком, в землю брошенным,  
Чтобы плод родила земля,  
Гордость всем - от простой горошины  
До космического корабля.  
Расступитесь, рвачи, да нытики,  
Да хулители всех мастей,  
Те, что ищут большой политики  
В маникюре своих ногтей!

Позабыта квартира душная,  
Мы в пути, на ногах с утра.  
Эй, с дороги вы, малодушные,  
Золотушные фраера!  
То дорога, то тропка узкая,  
То ручей, то река без дна, -  
Ой ты, русская, наша русская,  
Наша отчая сторона!  
В сердце солнечное горение,  
Половодье российских рек.  
Вот она, моя точка зрения,  
От рождения и - вовек.

#### КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Дороже цвета красного и краше  
Для нас на свете не было и нет.  
Недаром солнце,  
Даже солнце наше  
Несёт в себе с рожденья  
Красный цвет.  
О красный цвет!  
В нём солнечная сила,  
И правда в нём,  
И все надежды в нём,  
Недаром наше доброе светило  
Мы нежно  
Красным солнышком зовём.  
Мы в красный верим  
Верой не напрасной,  
Своим его считая до конца.  
Недаром красной кровью,  
Только красной  
Людские омываются сердца.  
О слово "красный"!  
Многих слов ты краше.  
Спокон веков в России неспроста  
В тебе живёт,  
Как в сердце песня,  
Наша  
Извечная земная красота.  
Мы все не из особенного теста,  
Но, как никто  
Любя хлеб-соль и дом,  
На самое почётнейшее место -  
В наш красный угол -  
Друга мы ведём.  
Весенний ветер  
Красный стяг полощет  
У древней краснокаменной стены.  
И потому зовём мы Красной  
Площадь,  
Что это - красный угол всей страны.

#### ХЛЕБ-СОЛЬ

Эти -  
Вина вам и закуски,  
Те -  
Ни льдинки среди зимы.  
А в России гостей по-русски  
С хлебом-солью встречаем мы.  
В лучшей дружбе души не чаем,  
Только б скрещивались пути.  
Самым главным гостей встречаем,  
Предлагая к столу пройти.  
Если с правдою твои речи,  
Если сердце твоё с людьми,  
По обычаю я при встрече

Хлеб и соль поднесу - прими.  
Если в дружбе у нас раздолье,  
Если счастлив и ты со мной,  
Я шагну к тебе с хлебом-солью  
И отвешу поклон земной.  
Если крепкие рукопожатья,  
Если боль моя - ваша боль,  
Люди, чувств не могу сдерживать я,  
Чтоб не вынести хлеб и соль.  
Выношу, и от хлеба-соли,  
Что плывёт на руках, дыша,  
Ярче - солнце, и шире — поле,  
И распахнутее - душа.  
По традиции нашей древней,  
Самой искренней и земной,  
Я встречаю вас всей деревней,  
Всем районом и всей страной.  
А мечты мои, мои планы,  
Моя радость и моя боль, -  
Чтоб, встречаясь, друг другу страны  
Подносили бы хлеб и соль.  
Невзирая на зной и вьюгу,  
На сближенных материках  
Подносили бы мир друг другу  
На узорчатых рушниках.

#### ТРИПТИХ

##### БОГИ АНДРЕЯ РУБЛЁВА

В моём роду молились испокон,  
И я, безбожник, я готов молиться,  
Когда подолгу вглядываюсь в лица,  
Что мудро смотрят с фресок и икон.  
В святом Предтече вижу гончара,  
Кем для кистей Андрея-богомаза  
Была из глины вылеплена ваза,  
А чудилось - она из серебра.  
Не Михаил-Архангел, а пастух,  
Не с крылышками ангел, а подпасок  
Сидели перед ним, и буйство красок  
Захватывало их холопский дух.  
А в той святой с младенцем на руках  
Мне видится земная наша баба,  
Что в иудеях разбиралась слабо,  
Зато прекрасно в русских мужиках.  
В далёкий век, в глухие времена  
При шуме вьюги и при птичьей гаме  
Простых и бедных делал он богами,  
Давая смертным божьи имена.

##### ГЛАЗА МИХАИЛЫ ЛОМОНОСОВА

Он снял парик. Глаза устремлены  
К Венере - удивительной планете.  
И голова его при лунном свете  
Сверкала в полумгле, как шар Луны.  
Приникший к телескопу, не шутя  
Шептал он, околованный Венерой:  
"Закутана ты знатной атмосферой,  
Как одеялом малое дитя..."  
О Русь, ты от пилы и топора  
До выхода в простор вселенских высей!  
Пусть полетит не он, больной и лысый,  
Но кто-то полетит - придёт пора.  
Иван, и только он, - ни Жан, ни Джон, -  
Иван, кто прыгнул с вышки колокольной  
На самодельных крыльях в день престольный,  
Хоть знал, что будет заживо сожжён.  
Сиял Михайло, думая о том,

Что со Вселенной русский связь наладит.  
Тогда ещё гагаринский прапрадед  
На четвереньках ползал под столом.

#### РОДНИК АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Родник и ныне бьёт из-под земли  
В именье Гончаровых, в Яропольце.  
Расходятся серебряные кольца,  
Как и тогда, при встрече с Натали.  
Стоял поэт с женой - рука в руке,  
Глядел в родник, себя не замечая,  
А Натали, в самой души не чая,  
Собою любовалась в роднике.  
Поэт с Невой, с Курюю был знаком,  
Он знал, как величавы Днепр и Волга,  
Но так стоять  
Задумчиво и долго  
Мог Пушкин  
Только перед родником.  
Лёг ручеёк в весёлую строку  
От родника опального поэта,  
И кажется, что Пушкин рядом где-то  
И он вот-вот вернётся к роднику...  
Быть близкой всем Поэзия должна,  
Как хлеборобу вкус и запах хлеба.  
И, Пушкиным опущенная с неба,  
Земною стала с той поры она.

#### ЗАГОРСКАЯ БЫЛЬ КТО ОН, ОТКУДА?..

- Кто он, откуда? - твердим вопрос мы.  
Он чей-то сын или, может, зять.  
И с плеч спадают такие космы,  
Охалка сена - ни дать ни взять.  
Он бородёнку растил давно бы,  
Да только она не растёт.  
От мрачной кельи ли, от хворобы,  
Как яма - грудь, как бугор - живот.  
Он мне ровесник, а может, тёзка,  
Стоит под свечкою, не дыша,  
Глаза из мёда, лицо из воска  
И из потёмок сама душа.  
Кому он молится в этот вечер,  
Зачем он ходит под образа?  
Его святой Иоанн Предтеча  
Глядит с улыбкой ему в глаза.  
Глядит с издёвкой, остро и косо,  
Какой, мол, к чёрту, я Божий сын,  
Я - сын Ивана-каменотёса,  
Каменотёс Алексей Фомин.  
Да я с Андреем Рублёвым в город  
Ходил за красками по три дня,  
Под сводом Троицкого собора,  
Под тем окном он писал меня...  
Но что поймёшь ты, мой мнимый тёзка?  
Дрожишь под свечкою, не дыша,  
Глаза из мёда, лицо из воска  
И из потёмок сама душа.  
Ты исподлобья следишь за мною,  
Как пламя свечки, труслив и тих,  
Я тоже верующий, не скрою:  
В Рублёвых верую и в Фоминых.  
Взгляни, послушай, товарищ мистик,  
И гласу истинному внемли:  
Молюсь я тоже, но только  
Кисти, Зубилу кланяюсь до земли.

## КОЛОКОЛЬНЯ УХТОМСКОГО

Еленю Прекрасною, прямая,  
Ты в сарафане встала надо мной,  
Руками тяжесть неба поднимая,  
Ушла по щиколотки в шар земной.  
Плывут, плывут не тучи грозовые,  
А ты плывёшь из нашей старины.  
В стенах не кирпичи - сердца живые,  
Не известью, а кровью скреплены.  
На много вёрст кругом четыре века  
Следила ты, не выронив слезы,  
За всем - от муравья до человека,  
От детского дыханья до грозы.  
И если кто-то приближался к дому  
С огнём, с мечом, не зная добрых слов,  
Ты обращалась к люду городскому  
На языке своих колоколов.  
Звала ты люд не в храмы к божьим ликам,  
Не для мольбы "О господи, спаси!.."  
Ты знала - в единении великом  
Великое спасение Руси.  
Густым набатом, раскалённым гулом,  
Перекрывая детский плач и гам,  
Ты обращалась к Марфам и Микулам,  
К портным и кузнецам - к живым богам.  
И у бойниц вставали люди-боги,  
Молящимся о рае не чета,  
Что по соборам прятались, убоги,  
Полузакрыв глаза и сжав уста.  
На стены выходили люди-боги,  
Одни с пушком, другие с бородой,  
И по твоей всеслышимой тревоге  
Умом да силой мерялись с бедой.  
Тряслась земля от каменного града,  
От яркого железного дождя,  
И кулаком грозил тебе в награду  
В бессилье вражий воин, уходя...  
Умчались годы далеко-далече,  
И ты не стала суше и грубей.  
Не потому ль на женственные плечи  
Садится стая белых голубей?

## ОН ШЁЛ В НАДЕЖДЕ...

Он шёл в надежде встретить Бога,  
Опору сердца своего,  
Седой и лысый, как дорога,  
В Загорск ведущая его.  
Он отдыхал в медовых росах,  
Уйдя в покосные луга,  
Худой, морщинистый, как посох, -  
Его покорнейший слуга.  
А в деревнях блуждал по хатам,  
О божьем слове говорил,  
Как будто был Христу он сватом,  
Святой Марии кумом был.  
У входа в лавру - справа, слева -  
Есть две плиты былых годов,  
Что на него, бледны от гнева,  
Глядят глазами жгучих слов.  
На эти плиты с неохотой  
Он обращает робкий взгляд  
И видит: Никон с другом Слотой  
На бочках с порохом сидят.  
Он будто слышит грохот страшный,  
Что навсегда крестьян погрёб,  
Под гордой Пятницкою башней  
Взорвавших вражеский подкоп.

И, чем-то схожий с человеком,  
Отвёл глаза и сделал шаг,  
Но речь семнадцатого века  
Звучала в старческих ушах.  
- Постой! Не ты ль под Обоянью  
Во рву над мёртвыми детьми  
Поклялся, выйдя на заданье,  
За смерть невинных лечь костями?  
Не ты ль шептал: "За ваши муки...",  
Не замечая дрожь колен,  
И не гранату поднял - руки,  
Ты руки поднял, сдавшись в плен?..  
И он бежит от грозной речи,  
Обходит плиты за версту,  
Бежит к заступнику Предтече,  
Спешит к спасителю Христу.  
Они не спросят: кто ты, что ты.  
Не разомкнут свои уста,  
Не то что Никон с другом Слотой,  
Лихие люди без креста.  
"Прости, господь, под Обоянью  
Я предал Родину свою..."  
И Бог пропишет, за признание  
Его на жительство в раю.

#### БЫЛЬ О МИТЮКЕ

Молчал базар.  
Он был на редкость странен  
Впервые, может быть, за сотни лет:  
Шёл вдоль рядов высокий англичанин,  
И, рты раскрыв, ему глядели вслед.  
Борец, герой трагических историй,  
Он шёл, не замечая никого. Был слух,  
Что не родился тот, который  
Мог на лопатки положить его.  
Он был в цилиндре модном и во фраке,  
Плечист, огромен,  
Как базарный воз.  
И даже под телегами собаки  
Ему боялись показать свой нос.  
К телеге крайней грузно подошёл он  
И голосом неверящим спросил:  
- Когда твой воз  
Таким товаром полон,  
Наверно, есть в тебе  
Достаток сил?..  
И встал Митюк, рыжебородый, хмурый,  
Ходивший на кулачные бои:  
- Меня положишь -  
Две медвежьи шкуры  
И сколько будет волчьих -  
Все твои.  
Ковра, одежд особенных не надо,  
Будь в сапогах, а я в лаптях пойду.  
Ты только знай, что мне  
Одна награда -  
Бороться у базара на виду.  
Схватились - будто бы срослись друг с другом.  
Молился кто-то и шептал: "Труба!.."   
Кричал народ, собравшись полукругом:  
- Давай!  
- Вали!  
- Шабаш...  
- Кишка слаба...  
Ходили долго. Кто-то крикнул:  
- Бросьте,  
А то от скуки скоро зареву...

Кто думал, что мой дальний пращур гостя  
Вёл к грязному, болотистому рву.

Шутили:

- Эй, Митюк, силён ты в драке,  
А вот попробуй покори, борясь.

- Ловите, братцы! -

И борец во фраке

Летит и падает спиною в грязь.

Шумел базар.

Он был на редкость странен

Впервые, может быть, за сотни лет:

Шёл вдоль рядов, согнувшись, англичанин,

И, рты раскрыв, ему смотрели вслед.

## ШУТКА ГИЛЯЯ

*Памяти В.Л. Гиляровского*

Принимали роднёю всею,

Было радости - через край:

В гости к старому Алексею

Прибыл сын - молодой Гиляй.

Угощали отменной чаркой,

Поднимали за тостом тост:

- Жизни яркой!

- Работы жаркой!

- Звёзд земных, а не с неба звёзд!

Говорили про то, как в поле

Выла вьюга, белым-бела,

Как из хлева, в снегу, в подоле

В кухню мать его принесла.

С перекатами да с лесами

Вспоминали свои места,

Где купался трёх лет он в Сяме,

В тихой речке - упал с моста.

Где на умном своём Абреке

Семилетний скакал ездук

Бездорожием, через реки -

Самой лучшею из дорог.

Плечи вольные расправляя,

Хохотал он:

- Держись, карга! -

И сгибалась в руках Гиляя

Двухметровая кочерга.

И ещё не прошла минута

И не стихли его шаги,

Как завязан был узел круто

Из подавшейся кочерги.

Удивлялись роднёю всею:

Не видали такого в жизнь.

Только очи у Алексея

Кровью гневною налились:

- Портишь вещи?! Такой детина,

А совсем ещё, как дитя, -

И, рванув кочергу у сына,

Развязал её не шутя.

И опять, прибаутки сея,

Были радостны через край:

В гости к старому Алексею

Прибыл сын - молодой Гиляй.

\* \* \*

Я постоять хочу ещё в саду,

Не замечая, что деревья голы,

Я в первый раз

Стихи читать иду,

Читать стихи со сцены нашей школы.

Готов стоять я у любого пня

И улыбаться тополям и вишням:



Отныне математик наш меня  
Не назовёт уж больше  
Никудышным.  
А может быть, он глубоко в душе  
Меня тайком похвалит за удачу  
И что-то вдруг откроет в малыше:  
Я для него  
Хоть что-нибудь, да значу.  
Тревожный вечер,  
Как он незнаком...  
В окне, за школьной сценой, плачет вьюга.  
Лоб вытираю от друзей тайком,  
Друзья тайком вздыхают друг от друга.  
А мать,  
Каёмку шали беребя,  
На занавес глядит,  
Глядит, седая.  
Мать, я волнуюсь меньше за себя,  
Чем ты, в тревоге сына ожидая.  
Сейчас я выйду и про нашу Русь  
Стихи прочту, как ты мне подсказала.  
А что с тобою будет,  
Коль собьюсь  
И убегу под смех и шёпот зала?  
Не беспокойся, а покуда нас  
Зовёт послушать сам директор школы.  
И мы идём,  
Идём к нему сейчас  
С такой охотой, будто на уколы.  
Я сбрасываю шапку и пальто,  
Читаю, и успех мой несомненен.  
- А кто сложил стихи?  
- Есенин.  
- Кто?  
- Сергей Есенин.  
- Кто?  
- Поэт Есенин.  
Он на меня взглянул и на ребят  
И хоть бы слово мне или ребятам.  
Глядит, а взгляд,  
Такой недобрый взгляд,  
Как будто бы я выругался матом.  
Ты ждёшь меня,  
Но я не выйду, мать.  
Что скажешь ты про сына озорного?  
Не разрешили, видно, выступать  
Из-за того, что провинился снова.  
Я уйду из школы, где родня,  
Где все друзья, от малыша до деда,  
Где старый математик наш меня  
Оставит завтра  
Снова без обеда.

#### БЕРЕЗКА ЕСЕНИНА

Когда-то в день рождения поэта  
Я посадил берёзку у окна,  
И с той поры в такое ж бабье лето  
В отцовском доме стало больше света, -  
Так жарко разгорается она.  
Простор берёзке, рыжей и вихрастой,  
На все четыре стороны открыт.  
И я горжусь, завидуя ей часто:  
Встречая солнце, первой шепчет "здравствуй!",  
Последней "до свиданья!" говорит.  
Движения спокойны и неброски,  
Ничем не знаменита и скромна,  
Стоит у двух дорог на перекрёстке,

И от неё, от маленькой берёзки,  
Вся Родина огромная видна.  
Трубят над нею с самого рассвета,  
Зовут её в дорогу журавли,  
Но Русь, Россия, Родина поэта,  
Кем так она любима и воспета,  
Дороже ей любых краёв земли.  
Ещё засвищут ветры-листобои,  
Ещё захлещут проливни-дожди,  
Но как не верить в небо голубое,  
И в добрый шум зелёного прибоя,  
И в Май, что ожидает впереди!  
Она стоит у дома, пламенея,  
Горит, неотразима и чиста,  
Такая - даже солнце перед нею  
В октябрьский день становится бледнее  
И прячется за тучи неспроста.  
Едва её листва зашевелится,  
И на ветру вздохнёт она едва,  
Мне кажется - листаются страницы,  
И стоит к ней щекою прислониться,  
Как зазвучат знакомые слова.  
Как зазвучат стихи...  
И потому я  
Всегда, всегда во сне и наяву,  
Зелёную, багряную, седую,  
Мою берёзку солнечно-прямую  
Берёзкою Есенина зову.  
Кипит в России буйно бабье лето,  
И вновь живу я думою одной:  
Чтоб в каждом доме было больше света,  
Давайте в день рождения поэта  
Сажать берёзки на земле родной.

#### ЯБЛОНИ НА ЛУНЕ

*М. Светлову*

Не с пулемётом, не с кривой секирою  
Я на Луну отправлюсь в первый раз, -  
В саду отцовском Саженцы я вырою  
И:  
- До свиданья, край мой!  
- В добрый час!  
Я где-нибудь вблизи от моря Радости  
Для них делянку лучшую найду,  
И будет, поднимаясь,  
Лунный сад расти  
У всей планеты нашей на виду.  
Когда же зацветут, бушуя, саженцы,  
Откроется такая белизна,  
Что всем влюблённым на Земле покажется:  
Светлей и ярче  
Сделалась Луна.  
А осенью, в земные дни погожие,  
Я всё Земле сторицею верну:  
Она получит яблоки,  
Похожие  
Величиной и цветом  
На Луну.

#### ТИШИНА

Речкой безымянной опоясана,  
Лесом с двух сторон окружена,  
Чем меня обрадует сейчас она,  
Русская деревня Тишина?  
Не за то ль её седые пращурь  
Нарекли издревле Тишиной:  
Смолкни песня ручейка журчащего -

Песни не слышали б иной.  
Только рано в праздники престольные  
Колокольный звон из года в год,  
Нарушая тишину окольную,  
Созывал к заутрени приход.  
Да ругая бранно клячу серую,  
Пахарь, выбившись с утра из сил,  
Ни в Христа, ни в дьявола не веруя,  
Матом и кнутом её крестил.  
Что за лесом - пращурь не видели,  
А, собравшись на исходе дня,  
Говорили о какой-то Индии  
И решили: экая брехня.  
Я иду, и даже за деревнею  
В это утро музыка слышна:  
Индию, далёкую и древнюю,  
Слушает деревня Тишина.  
Старый пахарь, думаю всё чаще я  
Про твою глухую старину,  
И ведут меня столбы гудящие  
В русскую деревню Тишину.  
За сугором, вечно озабочены,  
Поезда спешат через поля,  
А вослед глядит ячмень с обочины,  
Рыжими усами шевеля.  
Ветер пахнет спелой соломой,  
Паровозным тающим дымком.  
С Тишиной, деревней незнакомою,  
Я как будто сызмальства знаком.

#### РЕДКОЕ ИМЯ

*Тане*

Вдали от дома ль,  
У родного ль тына,  
У тех ли у краснеющих рябин,  
Как все мужчины, до рожденья сына  
Я верил, что родиться должен  
Сын.  
Пускай не скрылось за садами лето  
И сочным солнцем полниться плодам,  
Ему, ещё не видевшему света,  
Я знал уже,  
Какое имя дам.  
И вот он, сын!  
И от людского взгляда,  
И от людских советов не уйдёшь:  
Как надо называть и как не надо  
В теперешние годы молодёжь.  
И люди не давали мне покоя -  
Что за отец и что за странный муж:  
Дал имя сыну -  
Редкое такое  
И очень старомодное к тому ж.  
И в загсе не могли не удивляться:  
Мол, разве нет других имён у нас...  
Мол, лет за десять, может,  
В стенах загса  
Мы это имя слышим в первый раз.  
А я стоял, не соглашаясь с ними,  
Один из миллионов россиян,  
И знал и повторял одно лишь имя,  
Одно лишь имя русское:  
Иван.

#### СЛОВО ОБ ИВАНЕ

*Сыну*

Добрый день, Иван Дмитрич, мой весёлый, мой кровный,

Мой такой несказанный - даже слов не найду.  
Сколько было Иванов у меня в родословной,  
Сколько их - сосчитай-ка! - в нашем долгом роду!  
Был Иваном мой прадед, дед был тоже Иваном,  
Этим именем русским мой отец окрещён...  
Сколько было известных с этим именем славным!  
Сколько ныне живущих, неизвестных ещё!  
Встаньте, предки Ивановы, что давно и недавно  
Жили там, где сегодня ваш потомок живёт.  
Встаньте, предки Ивановы, это вас Ярославна  
В древнерусском Путивле провожала в поход.  
Уходили и где-то - от стрелы, от ножа ли -  
Умирали Ивановы у курганов и ям,  
А в оставленном доме вдовы новых рожали,  
Это имя давая в честь отцов сыновьям.  
Подрастали Ивановы, - и была их наука:  
Подружиться с косою, быть своим долоту,  
И уметь, если надо, из рогатки и лука  
Быстролётную птицу убивать на лету.  
В мае с белых черёмух, снег, не сыпья, не падай,  
На тропинки-дорожки по утрам не труси, -  
В эту пору невесту называл своей Ладой  
Каждый будущий воин на великой Руси.  
Подрастали Ивановы, и с врагами при встрече  
Они храбро сражались: каждый воин-смельчак.  
Постепенно Россию поднимали на плечи.  
И держалась Россия на широких плечах.  
Это вас, побеждавших с давних лет, изначала,  
Налетевшее тучей на страну вороньё,  
Со слезами от счастья вся Россия встречала, -  
Без Ивана Россия - что Иван без неё.  
Возвращались Ивановы к деревенской заставе,  
Где такие усадьбы - если ступишь ногой,  
То другую не сможешь рядом твёрдо поставить:  
Не хватало земли для неё, для другой.  
Это вы на полоске гнули спины и плечи,  
Так, что соль выступала на заплатах рубах,  
А крапиву Иванам посолить было нечем,  
И навязла крапива острой болью в зубах.  
Это вам затыкали непокорные глотки,  
Чтобы меньше гудели на хозяев-господ.  
Это вы задыхались от нужды и от водки  
Всё равно - в урожайный или в год-недород.  
Встаньте, деды Ивановы, те, что знали, как тесен  
Мир босых и голодных, те, что приняли бой,  
Чтобы хлеба в сусеках, чтобы смеха и песен,  
Чтобы радости вдоволь было в хате любой.  
Вот они, Иван Дмитрич, то в лаптях, то босые,  
Что любили, страдая, и страдали, любя.  
Без Ивана Россия - что Иван без России.  
Здравствуй, гордое имя!  
И оно - у тебя!

ДУБ

У Непрядвы над песчаной кручей  
Дуб стоит высокий и могучий,  
Словно богатырь, храня леса.  
Кажется, Свали его -  
И рухнут  
Вместе с ним на землю  
Небеса.  
Сколько бурь прошло над дубом старым,  
Не сумев свалить его. Недаром  
Сказ гласил: чтоб дуб столетья жил,  
Русский пахарь  
В жёлудь  
При посадке

Силу богатырскую  
Вложил.

### БАЛАЛАЙКА ВАНА КЛИБЕРНА

Свет и радость  
Славящий и славивший  
Звуками,  
Что яростны и юны,  
Растерялся  
Повелитель клавишей,  
Тронув  
Балалаечные струны...  
Кто не знает в мире  
Об игре его!  
Только пальцы  
Будто отказали.  
Лишь звучит  
В ушах  
Напев Андреева,  
Как тогда в Москве,  
В концертном зале.  
Звуки и спокойны, и отчаянны,  
И летят, сверкая,  
Как зарницы,  
То волна ворвётся  
В их звучание,  
То притихнут,  
Как в ночи пшеница.  
В них то с гиком  
Мчится тройка,  
Вздыблена,  
То курлычут  
Птичьи караваны,  
Чуткие,  
Как пальцы Вана Клиберна,  
Рвущиеся вдаль,  
Как сердце Вана.  
В них простор полей,  
Где ветры тёплые  
Весело шумят  
В зелёных волнах,  
И стоят подсолнухи...  
И, хлопая,  
Зал набит,  
Как в августе подсолнух.  
Слушать Ван готов  
С утра до вечера,  
Позабыв  
О солнцах и о лунах,  
Чувствуя,  
Как жарко и доверчиво  
Русские сердца  
Пылают в струнах.  
Не из тысяч балалаек  
Выбрана -  
В три струны,  
Обычна, как другие,  
Эта балалайка Вана Клиберна,  
Что ему подарена  
В России.  
Свет и радость  
Славящий и славивший  
Звуками,  
Что яростны и юны,  
Растерялся  
Повелитель клавишей,  
Тронув

Балалаечные струны...

\* \* \*

Выйдешь в сад, а в саду  
Пора листопада,  
И грустит непонятно о чём душа.  
Свежий ветер -  
Заботливый сторож сада -  
Подметает дорожки,  
Листвой шурша.  
Разве можно расстаться с такой порою!  
Потому я сейчас,  
В осеннем саду,  
Белый холст поставлю,  
Этюдник открою  
И до вечера не уйду.  
Солнце светит слабей потому, наверно,  
Что деревьям отдало часть огня.  
С клёнов вспыхнувших  
Листья падают мерно  
На палитру мою,  
На траву у плетня.  
Сколько листьев!  
Кажется, на закате  
Ими ветер оклеил весь небосвод,  
Вплел их в косы  
Маленькой рыжей Кати,  
Что гербарий в сад собирать идёт.  
Затуманится завтра над садом просинь,  
Почернеют листья -  
Пора не та,  
Только тихая Катя и буйная осень  
Никогда не уйдут  
С моего холста.

#### ЧЕТЫРЕ ЦЕЛИНЫ

Стоишь ты, как пращур,  
Что с вилами шёл на Батя,  
Стоишь ты, старик-садовод,  
Как воинственный князь.  
На высохших чёрных руках твоих  
Жилы витые,  
Что корни у яблонь,  
Узлами стянулись, сплетясь.  
Лицо бороною годов  
Взбороздили морщины,  
Но ты не желаешь судьбы  
Горячей и новей:  
Ты горд, что идут по планете  
Четыре мужчины,  
И каждый -  
Один из любимых твоих сыновей.  
А саду невмочь  
От плодов золотого налива,  
Не ветер вздыхает -  
Антоновка дышит сама.  
Краснее аниса,  
Девчонка бежит торопливо,  
И в сумке почтовой  
Четыре родимых письма.  
Четыре письма!  
И на верхнем - рукою меньшого  
По-детски коряво и наскоро  
Строчкой косой:  
"Алтай, Кулунда" -  
И одно непонятное слово,  
Размытое каплей дождя

Или, может, слезой.  
Стоишь ты один  
Под высоким ранетом у тына,  
И видишь ты, слушая  
Дальний размашистый гром,  
Алтайскую степь,  
Что распахана трактором сына,  
Да этот листок,  
Не дописанный ржавым пером.  
Ты вспомни, мой пращур:  
Киркой, топором да лопатой  
И ты поднимал целину -  
Десятину свою  
На самом юру, на ветру,  
Над лощиной горбатой,  
Как будто у мира,  
У жизни на самом краю.  
Читаешь ты письма...  
Уносишься к старшему сыну,  
С которым, болота  
В степи осушая, мечтал:  
Построить бы крылья  
И, грешную землю покинув,  
Подняться бы к Солнцу,  
Как древний Икар и Дедал.  
Подняться б над яром,  
Над крышей ребрастою - к свету...  
Ах, добрый работник,  
Другие пришли времена:  
Твой сын запускает  
Такую земную ракету,  
Что вечным становится  
Спутником Солнца она.  
Ах, старый мой пращур,  
Не знал ты вчера про такое:  
И люди - и сын твой! -  
Вот-вот на Луну полетят.  
И взял бы тебя он  
В большую дорогу с собою,  
Да вот без присмотра  
Нельзя оставлять этот сад.  
Читаешь ты письма...  
Читаешь от третьего сына,  
Которому в толшу веков  
Заглянуть довелось,  
Буравя планету,  
Спускаясь в земные глубины,  
Старается землю родную  
Увидеть насквозь.  
И ты ведь, садовник,  
Всё той же киркой да лопатой  
Промёрзшую трижды  
Земную долбил целину.  
Ты рыл для отца,  
Что от голода умер когда-то,  
Могилу - два метра в длину  
И один в ширину.  
Последний потёртый конверт...  
Без конца и без края -  
Ледовое поле,  
Куда б ты ни ехал, ни шёл.  
И, синюю, в вечном снегу,  
Целину поднимая,  
С твоим кровным сыном  
На полюс идёт ледокол.  
И будто бы видишь ты  
Белые дальние дали,

И будто бы крошится лёд  
У тебя на виду, -  
Недаром утрами,  
Чтоб бабы бельё полоскали,  
Ты прорубь не раз прорубал  
На протоке во льду.  
Пускай голова твоя,  
Милый садовник, седая, -  
Душа, словно сад  
В августовскую пору, полна:  
Идут сыновья по земле,  
Целину поднимая,  
Идут, и у каждого сына -  
Своя целина.  
Ты садом проходишь,  
Где прежде шумела крапива,  
Где раньше годами  
Цвели острова лебеды,  
И тянут, как руки,  
Тяжёлые ветви налива  
Тебе отовсюду  
Свои золотые плоды.

\* \* \*

Я полон света,  
Словно утро мая:  
Отец мне - город, мне деревня - мать.  
Я руки их шершавые сжимаю  
И тем силён, что их могу сжимать.  
Чтоб не коснулась никакая вьюга,  
Тепло их рук я всюду берегу,  
Как жить они не могут  
Друг без друга,  
Так жить без них - двоих - я не могу.  
Но только в песнях сына будет чаще  
Шуметь пшеница и вздыхать ветла:  
Под шелест трав,  
Под плеск ручьёв журчащих  
Меня моя деревня родила.  
Дыханьем ветра,  
Что пропах лугами,  
Она меня поила поутру,  
Звала на косогор,  
Где в птичьей гаме  
Креп голос мой под солнцем, на ветру.  
Когда же с ней простясь у сеновала,  
Я уезжал к отцу, что знаменит,  
Она мне долго,  
Грустная, кивала  
Платком сбегаящих к ручью раки.  
Я полон света,  
Словно утро мая:  
Отец мне - город, мне деревня - мать.  
Я руки их шершавые сжимаю  
И тем силён, что их могу сжимать.

## РУССКИЕ ЛАКИ

*Мастерам села Федоскина товарищам по кисти*

Песню Палеха или Холуя  
Мне не спутать с твоей вовек,  
Для меня ты, село весёлое,  
Просто-напросто  
Человек.  
Познакомить с тобой мне хочется  
Всех знакомых со всей земли,  
Лишь по имени да по отчеству  
Величать бы тебя могли.



Словно мастер, со вкусом меряя -  
Как длина, мол, как ширина, -  
Из земных лоскутов материи  
Сшила платье себе весна.  
Платье шёлковое, шуршащее,  
Всё из зелени-синевы,  
С полем, с лугом, с лесною чащею,  
Где тропинки - совсем как швы.  
Липы белые, точно в инее  
Воротник с твоего плеча,  
Вдоль подола полоска синяя  
По названью река Уча.  
Крыши рыжие вместе с русыми  
Полукружием встали в ряд,  
Представляясь большими бусами,  
На груди у тебя горят.  
Не заборы видны с калитками  
И не сложенные дрова, -  
Русским "крестиком" полы вытканы,  
Вязью вышиты рукава.  
Всех друзей своих в самом деле я  
В дом знакомый к тебе веду,  
В дом, где всё твоё рукоделие,  
Удаль русская - на виду.  
Мы проходим шагами гулками  
В глубь столетий на двести лет  
И склоняемся над шкатулками,  
Что струят, излучая, свет.  
Чудом вырезаны из радуги,  
А оттенков разлив такой -  
От молочных ночей на Ладоге  
До ночей над Курой-рекой.  
Мчится тройка с невестой-ладою,  
С добрым молодцем сквозь века,  
И слезинка дрожит, не падая,  
На реснице коренника.  
Яро клубами, густо взбитыми,  
Загораются - что пурга! -  
Под подкованными копытами  
Ископыченные снега.  
Мчится тройка при свете месяца  
Вдоль по Питерской, по Тверской...  
А шкатулка в руке уместится,  
Даже скроется под рукой.  
На другую глядим, на пятую,  
На десятую мы глядим:  
Знамя, ветром седым распятое,  
Рвётся через огонь и дым.  
Над прорехами, над заплатами  
Сталевара и чабана,  
Над губами, от гнева сжатыми,  
Знамя катится, как волна.  
То взметёт, то подастся вниз оно,  
Чтобы сделать ещё бросок...  
А шкатулка... Она расписана  
Кистью тонкою, в волосок.  
Мы разглядываем двадцатую,  
Мы над сотою полчаса,  
Словно сами с мечтой крылатою  
Устремляемся в небеса.  
Звёздный сад плывёт, не кончается,  
В росах вымытый поутру,  
А в окошке Земля качается  
Спелым яблоком на ветру.  
Красота, красотища - вот она,  
Только в сказке рождаться ей!  
А шкатулка рукой сработана

Человеческою, твоей.  
Будто ветром отполирована,  
Солнцем радужным облита,  
У рассветов и вечеров она  
Заняла для себя цвета.  
За околицей тропка узкая  
Нас уводит в литую рожь.  
Как же по сердцу песня русская,  
Та, которую ты поёшь!